

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Молитва Господня

«Public Domain»

1928

Куприн А. И.

Молитва Господня / А. И. Куприн — «Public Domain», 1928

«Шестеро человек, в продолжение всего короткого зимнего дня, не выходили из громадного леса, составлявшего казенную лесную дачу. Впереди шел обыкновенно лесничий Станислав Андреевич Нат, за ним два объездчика: Алексеев, высокий, худой, длиннородый и благообразный старик – говорили, из дворян – и плотный, ладный, коряжистый Нелиткин; а еще позади – трое лесников: глуповатый Егор, курчавый, добрый Михаиле и лысый, лукавый Петр, бывший втайне охотником-шкурятником...»

© Куприн А. И., 1928

© Public Domain, 1928

Александр Иванович Куприн

Молитва господня

Шестеро человек, в продолжение всего короткого зимнего дня, не выходили из громадного леса, составлявшего казенную лесную дачу. Впереди шел обыкновенно лесничий Станислав Андреевич Нат, за ним два объездчика: Алексеев, высокий, худой, длиннородый и благообразный старик – говорили, из дворян – и плотный, ладный, коряжистый Нелиткин; а еще позади – трое лесников: глуповатый Егор, курчавый, добрый Михаиле и лысый, лукавый Петр, бывший втайне охотником-шкурятником. Лес был старый, хвойный, но плохо береженный. Предыдущий лесничий ленился ухаживать за ним и расчищать; оттого в нем по окраинам возвышались прекрасные строевые и даже мачтовые хвойные гиганты, а в глуби теснился и, наклоняясь, сплошь, вершинами в сторону юга, погибал долговязый жидкий сухостой.

Перейдя по бесконечно длинным, прямым, как натянутая струна, просекам из одного лесного кордона в другой, из квартала в квартал, господин Нат внимательным, опытным взглядом осматривал места будущих делянок и отдавал распоряжения. Здесь надо лес только разрежить, очистить его от валежника, бурелома и негодного сухостоя. Там подлежит вырубке вся большая площадь, которая впоследствии будет искусственно засажена сосной и елью из питомника. А в этом квартале уже запроданы с торгов великолепные стволы, более аршина диаметром у корня... А вот тут намечается для зимнего вывоза леса. И лесники, по указаниям лесничего, делают топорами заметки на деревьях. Лысый Петр еще в семь часов утра на сборном пункте поглядел вверх и сказал, точно разговаривая с самим собой: – А ветер будет нынче здоровый!..

– Брехня!.. – возразил самоуверенный старик Алексеев. – Если же и будет, то какая беда?.. Мы в лесу под укрытием.

– Это точно, – согласился неохотно Петр, – но только вот, сухое дерево...

И замолк, не dokonчив своего вялого соображения.

Оказалось, он был прав. Ветер поднялся в часу десятом, и лес загудел своими верхушками, – густо, монотонно и не переставая ни на секунду.

В полдень партия зашла на Чернореченский кордон к лесничему Михаиле и там позавтракала: господин лесничий Нат яичницей, лесная стража хлебом и картофелем. А когда все шестеро в час с небольшим вышли из кордонной избы, то точно не узнали леса. Он весь потемнел. Деревья раскачивались и нагибались все разом то в одну, то в другую сторону, а над ними, чуть не цепляясь за верхушки, стремительно и низко мчались косматые, взъерошенные, перепуганные тучи. И лес теперь не гудел, а начинал уже реветь. Сухой треск, ломкий хруст раздавался из чащи.

– Переждать ли? – сказал негромко и вопросительно осторожный Нелиткин.

– Глупости!.. – твердо остановил его Нат. Лесничий был человек еще молодой и по-настоящему отважный. Но он любил рисоваться своей храбростью, считал лесную службу почти что военной и высоко ценил свой авторитет в глазах подчиненных.

– Глупости! За Белыми Камнями будет просторно и пойдет широкая дорога.

И пошел вперед. Все молчали. Да и говорить было бы трудно, из-за урагана.

Так прошли около трех-четырёх верст, достигнув места, где перекрещивались просеки четырех самых густых и ценных кварталов. Тут лесничий Нат понял всю мудрость робкого нелиткинского совета, но возвращаться назад было теперь не только постыдно, а, пожалуй, даже бесполезно. Все эти шестеро лесных людей с холодом в сердце видели и чувствовали, что они попали в самый центр одного из тех редких и губительных лесных ураганов, которые сносят начисто десятки десятин и по своей свирепости гораздо страшнее морских циклонов.

Кто испытал бурю в лесу, тот знает, как стихийно ужасны ее звуки, – это яростное смешение: воя, рева, визга, грохота, скрежета и пушечной пальбы. А главное, – этот содом безграничен в своем усилении. Вот-вот, кажется, что у самой природы уже больше не может хватить сил легких и злобы, а ураган становится все оглушительней с каждой секундой, и нет конца его растущему бешенству.

Неописуемый грохот, который можно себе вообразить только при крушении мироздания, послышался сзади лесников. Они все обернулись в одно мгновение. Только что пройденный ими восемнадцатый квартал был весь пуст, точно его скосила одним взмахом сатанинская коса. Безобразные груды поверженных деревьев валялись на земле. По всему лесу шел непрерывный треск и гул валяющихся деревьев. Ветки и обломки деревьев носились по воздуху и влеклись по земле. Впереди партии, в пяти шагах, вдруг оглушительно крикнула мощная, столетняя сосна и стала падать, увлекая за свою огромной кроной множество тонких соседних деревьев, затрещавших, застонавших при падении... И, тяжело упав поперек просеки, она вывернула наружу из земли свое путаное, трехсаженное, бесформенное корневище. Смерть, смерть, одна лишь смерть была в воздухе, на земле и на небе. И в этот-то момент послышался ясный повелительный голос Нелиткина:

– Ребята! На колени! Молись! Тотчас же все опустились на колени, кроме лесничего – лютеранина.

– Отче наш, иже еси на небесех... – громко произнес Нелиткин и широко перекрестился, но ветер заставил его на минуту задохнуться, как бы вогнав святые слова ему обратно в горло. Вся стража тоже закрестилась.

– Да будет воля твоя, яко на небеси... Опять ветер унес следующие слова, и опять послышался строгий, глубокий голос разъездчика:

– Хлеб наш насущный даждь... долги наши, яко же и мы...

Лесничий, повинувшись какой-то неодолимой силе, стал на колени и, низко склонив голову, с трепетом вслушивался в простые и великие слова.

– Яко твое есть царствие... во веки веков... Аминь. Нелиткин перекрестился и встал. То же сделали его товарищи и лесничий. И странно – в ту же минуту, точно очнувшись от своего безумного порыва, ураган утих, как бы перевел дыхание и стал утихать. А через минут пять он уже был обыкновенным лесным ветром средней силы, а когда, очнувшись от смертельного страха, партия двинулась в путь, он совсем перестал.

Лесничий этот, весьма близкий мне человек, был не только лютеранином, но, кроме того, и своеобразным пантеистом. Но когда он рассказал мне о молитве господней среди ревущего леса, в его голосе были оттенки глубокой веры. А кончил он так:

– Я не верую в чудеса. Но здесь я явственно увидел над собой всемогущую волю бога...